

— Послушай, ты, здоровенный мужик, что с тобой не так? Обязательно было цепляться к обезьяне? Если бы не наш Сяо Бай и моя госпожа, ты бы давно уже ноги протянул. Мало того что не благодаришь за спасение, так еще и качаешь права! И даже если предположить, что Сяо Бай тебе что-то сделал, моя госпожа уже всё возместила. Если бы она по доброте душевной не подобрала тебя, ты думаешь, твоё тщедушное тельце дотянуло бы до сегодняшнего дня? — девчушка явно была не из робкого десятка: уперев руки в бока, она выпалила всё это без запинки.

— Госпожа сказала, что можешь оставаться в усадьбе, пока раны не заживут, так что, как подлечишься, живо убирайся отсюда. Терпеть не могу таких мелочных мужчин, как ты! — протараторила девчонка и, напоследок рявкнув на Ань Лэ, нанесла ей еще один словесный удар.

Ах ты, языкаястая девчонка!

— Я... — Ань Лэ, которую мало того что втоптали в грязь, так еще и заткнули рот, от обиды не могла вымолвить ни слова.

Выходит, во всём она виновата? Да как же бесит! Она, гроза переулка Чуньхуа, и вдруг — терпит нападки какой-то девчонки! Если не показать ей, где раки зимуют, придется проглотить эту обиду вместе с выбитыми зубами!

Хм?

Ань Лэ в недоумении принялась шарить по карманам. Где мой поясной кошель? Где мои яды?

— Ищешь тот мешочек с отравой? Говорю же, госпожа его забрала. Ой, ну надо же, люди нынче пошли: чуть что не по ним, сразу кулаки чешут, — девчушка явно гордилась прозорливостью своей хозяйки.

Ань Лэ опустила голову и со злости с силой ударила по постели.

— Я хочу видеть твою госпожу! — у Ань Лэ от ярости покраснели глаза. Это ведь Му Линь специально для неё приготовил защитный амулет, а эта госпожа, даже не спросив, взяла и присвоила чужое! Эта парочка вместе с обезьяной просто издеваются над ней!

— Кто ты такая, чтобы видеть мою госпожу? Размечталась, бродяга! — девчонка округлила глаза.

— Плевать мне, кто вы такие! Мне нужен мой кошель! Верните! — Ань Лэ была на взводе и решила устроить скандал.

Некоторые люди от природы лишены такта. Эта девчонка, скорее всего, служанка из богатого

дома, привыкла вести себя высокомерно, подражая хозяйке, но в душе она, может, и неплохая.

— Ты... чего так кипятишься? Госпожа сказала, ты — подозрительный тип, мы могли бы пройти мимо, но она не смогла оставить тебя в беде. Ради нашей же безопасности она временно его придержала, никто не собирался его присваивать, — увидев, что на глазах у Ань Лэ блещут слёзы, девчонка тут же сменила тон и засуетилась, глядя на неё с беспокойством.

Ань Лэ шмыгнула носом и отвернулась, украдкой вытирая глаза.

В конце концов, девчонка права. Хотя она и язвила, но всё же приютила её, а судя по её состоянию, придется пробыть здесь еще дней восемь-десять. Вспышка гнева была вызвана скорее страхом, который она испытала в лесу, и теперь Ань Лэ стало стыдно за свою несдержанность.

Она взяла себя в руки.

— Прости, я была неправа.

— Э-э... Ну, я пойду принесу тебе каши, — увидев, что Ань Лэ пошла на попятную, девчонка растерялась и поспешно вышла.

Ань Лэ понемногу хлебала кашу. Девчонка сидела напротив, словно на иголках.

Ань Лэ взглянула на неё:

— Тебе не нужно идти к своей госпоже?

— ...Отвар для госпожи еще не готов, отнесу чуть позже.

— ...

— ...

Они снова погрузились в молчание. Ань Лэ чувствовала себя неловко: девчонка принесла еду, а ест только она одна. Предложить ей разделить трапезу было бесполезно — у неё была только одна миска, и, похоже, она просто ждала, когда Ань Лэ закончит, чтобы забрать посуду.

Сидеть в тишине было выше сил, и Ань Лэ решила завязать разговор.

— Как тебя зовут?

— Юэр. — Видимо, девчонка считала, что оставаться наедине с мужчиной неприлично, поэтому, чувствуя себя неловко, она не горела желанием общаться.

— Кстати, я ведь еще не поблагодарила твою госпожу. Не подскажешь, как её зовут?

Услышав вопрос о хозяйке, девчонка заметно оживилась и с гордостью ответила:

— Хм, ладно, так и быть, скажу. Мою госпожу зовут Му Цинъянь.

Му... Цинъянь?

Ань Лэ замерла, не веря своим ушам. Она переспросила, чтобы убедиться:

— Девчонка, как ты сказала, зовут твою госпожу?

— Му Цинъянь, — девчонка недовольно зыркнула на неё.

Ань Лэ ахнула:

— Неужели... та самая внучка первого богача Поднебесной Му Юньчана?

Девчонка победоносно вскинула голову:

— Именно! Не ожидала, что ты, малец, хоть что-то смыслишь.

Получив подтверждение, Ань Лэ пришла в ужас. О Му Юньчане в пределах Фуюня знали все торговцы. Его торговая гильдия была настолько огромна, что вела дела в четырех странах, а вельможи перед ним заискивали. Но богатство — это и опасность: его дети погибли от рук врагов, осталась только внучка.

Судьба Му Юньчана была полна трагедий... Ходили слухи, что внучка его, Му Цинъянь, — писаная уродина: из десяти мужчин девять при виде неё выворачивало, а десятый был просто слеп. Сначала многие, позарившись на состояние, пытались свататься, но в итоге всех их вытаскивали из дома с тазиками в руках. Истории о самых впечатляющих «героях» стали притчей во языцех, их пересказывали на всех перекрестках, привлекая толпы зевак. С тех пор желающих свататься не осталось, и Му Цинъянь, которой давно перевалило за двадцать, так и осталась в девках.

Можно себе представить... насколько она страшна!

Сопоставив слухи и рассказы очевидцев, Ань Лэ пришла к выводу, что та красавица, которую

она видела в лунном свете, — лишь плод её собственного голодного бреда. В конце концов, кто станет танцевать в лесу посреди ночи? Даже призракам есть чем заняться!

Ань Лэ закрыла лицо руками. Она представила, как какая-нибудь толстуха в лесу уплетала свиную ногу, а она, одурев от голода, приняла её за танцующую фею и потянулась к ней... У Ань Лэ возникло желание выколоть себе глаза!

Она не судила людей по внешности, но за один день она умудрилась совершить столько глупостей на глазах у других, что ей хотелось провалиться сквозь землю.

Ладно, плевать. Сейчас главное — поправиться и найти Яэр и остальных.

Так Ань Лэ осталась в усадьбе зализывать раны.

Прошло десять дней.

Ань Лэ открыла дверь, собираясь потянуться, как вдруг увидела, что с дерева неподалеку падает белый пушистый комок. У неё было острое зрение, и она сразу узнала, кто это. Покрывшись холодным потом, она бросилась вперед и в последний момент поймала падающее существо. Но из-за его внушительного веса Ань Лэ сама рухнула на землю.

— Мамочка моя! — взвыла Ань Лэ.

Должно быть, у неё помутилось в голове, раз она на рефлексх бросилась спасать обезьяну, да еще такую толстую. Моя поясница... мой зад!

Ань Лэ перевела дыхание и, преодолевая боль, принялась отчитывать белую обезьяну:

— Сяо Бай, я же просила тебя сесть на диету! Ты обезьяна или кто? Позорище! Ешь одни фрукты, а толстеешь не по дням, а по часам. Ты в прошлой жизни свиньей был, что ли?

Ань Лэ была из тех, кто любит самоутверждаться за счет слабых: перед грозной Юэр она пасовала, а вот над бессловесным Сяо Баем издевалась как могла — то банан стащит, то про лишний вес напомнит. Но сегодня, получив увесистый удар от упавшей обезьяны, Ань Лэ почувствовала, что всё вернулось бумерангом. Её так придавило этим жирком, что к горлу подступила тошнота.

— Чи-чи... — Сяо Бай ловко вскочил, не обращая на неё внимания, и разжал лапы, в которых бережно держал что-то маленькое. Там лежал птенец воробья, едва оперившийся, но живой. Обезьяна облегченно выдохнула.

Бессовестная, хоть бы на меня посмотрела! Ань Лэ фыркнула, полежала на земле, приходя в себя, и молча поднялась.

Отряхнувшись, она взглянула на птенца в лапах Сяо Бая и с иронией сказала:

— Ого, вырос наш малыш, уже разоряет гнезда? Решил сам добывать пропитание? Смотришь на него так долго — что, решил поделиться со мной в знак благодарности за спасение? Но я сырое не ем, да и тут мяса на один зуб... Если поджарить, получится уголек, ни вкуса, ни пользы.

От этих слов бедный воробушек задрожал, его лапка дернулась, и он, поняв, что бежать некуда, замер в лапах обезьяны, смирившись с судьбой. Если бы у птиц были слезные железы, он бы точно расплакался.

Сяо Бай раздраженно зыркнул на Ань Лэ, замахал руками, указывая то на землю, то на дерево, показывая: я его подобрал! Я хочу вернуть его обратно!

Ань Лэ кивнула, признавая, что обезьяна не только понимает человеческую речь, но и обладает добрым сердцем. Однако, глядя на её габариты, было ясно, что о покорении вершин можно забыть.

— Ладно-ладно, я пошутила, — Ань Лэ улыбнулась, засучила рукава и протянула руки. — Давай сюда. Гнездо там, где ты показывал?

Сяо Бай помедлил, кивнул и передал птенца. Ань Лэ осторожно, боясь раздавить кроху, поместила его в свой пустой кошель. Она с трудом, приложив немало усилий, вскарабкалась на дерево и вернула птенца в гнездо.

С высоты открывался прекрасный вид: горы, странный лес... Ань Лэ узнала его — именно там она потеряла сознание от голода, прежде чем Му Цинъянь нашла её.

Ань Лэ почувствовала прилив радости.

— Ого, а здесь довольно просторно! — воскликнула она.

Оказалось, что кроме её дворика рядом есть еще пара таких же, а подальше виднелись озеро и беседка. Раньше она думала, что усадьба крошечная, а теперь поняла, что ошиблась — это огромное поместье, от ворот до ворот которого, пожалуй, нужно ехать на лошади!

Обалдеть! Истинное богатство.

За десять дней лечения Ань Лэ никуда не выходила — отчасти из-за запрета Юэр, отчасти потому, что сама была не в силах двигаться. Но больше всего её огорчало, что она так и не увидела легендарную Му Цинъянь.

Ань Лэ опустила голову. Может, та забыла о ней? Или боится показаться, чтобы не напугать своей внешностью? Как бы то ни было, она спасла ей жизнь, и Ань Лэ хотела лично поблагодарить её.

Вдруг вдали мелькнуло что-то фиолетовое. Ань Лэ моргнула — этот оттенок напомнил ей ту девушку в лунном свете.

Му Цинъянь?

Сердце Ань Лэ ёкнуло. Боясь, что видение исчезнет, она быстро спустилась с дерева и помчалась в сторону фиолетового пятна.

Из беседки доносились звуки цитры — чистые, мелодичные, свободные. Ветер колыхал белые занавеси, скрывая фигуру музыкантши. То ли поддавшись настроению музыки, то ли вспомнив что-то забавное, девушка вдруг легко улыбнулась.

Ань Лэ видела немало красавиц — и звезд в прошлой жизни, и свою мать, и сестер, — но эта женщина её поразила. У неё был какой-то дар приковывать к себе взгляд.

— Взглянет раз — и падут города, взглянет два — и падут царства... — невольно прошептала Ань Лэ, замороженно глядя на неё.

Она стояла у мостика, шагах в десяти, не решаясь подойти ближе. Беседка, мост, озеро, красавица... Ань Лэ вспомнила фильм о встрече Нин Цайчэня и Не Сяоцянь. С той лишь разницей, что сейчас был день, а она — вовсе не Нин Цайчэнь.

— Дзынь! — музыка оборвалась.

Раздался тихий смех.

— Увы, Цинъянь не наложница из дворца, и мне не с кем состязаться в красоте, — донесся до неё голос девушки.

Ань Лэ смутилась и пробормотала себе под нос:

— Вот ведь... мастер. Я же так тихо говорила, неужели нельзя сделать вид, что не слышала?

— Сегодня сильный ветер... — снова заговорила девушка, намекая на что-то.

Попавшись, Ань Лэ вышла вперед и поклонилась:

— Прошу прощения, я не хотела беспокоить. Просто музыка госпожи была столь прекрасна, что я невольно пошла на её зов.

Девушка улыбнулась, ничего не ответив.

— Только что... я слышала, вы назвались Цинъянь? — Ань Лэ, набравшись смелости, присела рядом.

— Верно, я Му Цинъянь, — девушка произнесла это по слогам, наблюдая за тем, как меняется лицо Ань Лэ. Это было забавно: другие мужчины при виде неё теряли голову, а этот человек выглядел просто ошарашенным.

Внутренний мир Ань Лэ сейчас был полон противоречий. Она возвела очи горе:

— Да ладно! И это называют «страшной уродиной»? Где она страшная?! Кто распускает эти гнусные слухи? Ненавижу сплетников!

В её голове возникла картина: доска с надписью «СЛУХИ» валяется на земле, и она с яростью топчет её ногами. Ладно, в конце концов, это не её называют уродиной, можно и успокоиться.

Спокойствие... надо сохранять спокойствие.

— Оказывается, вы и есть моя спасительница. Я слышала о вас, но не узнала сразу... прошу прощения.

Му Цинъянь усмехнулась:

— Не стоит извинений. Мы не были знакомы, да и слухи о моей внешности далеки от истины.

— Но ведь это перебор! — Ань Лэ не могла сдержать возмущения. Если бы не эти дурацкие слухи, такая красавица давно бы нашла себе мужа.

Му Цинъянь посмотрела на неё своими чарующими глазами:

— Не беспокойтесь. Эти нелепые слухи — моих рук дело. Разве не интереснее жить в покое, чем быть в центре внимания?

То есть она сама всё это устроила? Ань Лэ была в шоке. Это называется — с жиру бесится? Она сама была бы не против жить в богатстве и покое, но с такой внешностью...

Ань Лэ сделала холодное лицо: забудь, эта женщина кажется самовлюбленной, лучше поблагодарить и уйти, пока не заразилась. В этом месте нормальных людей точно нет.

— Я давно хотела поблагодарить вас лично, но всё не было случая...

Му Цинъянь пробежалась пальцами по струнам и мягко ответила:

— Не стоит благодарности. Забота о вас — мой долг. Это ведь Сяо Бай притащил вас сюда и поранил, как его хозяйка, я несу за это ответственность.

— О-о, вот оно что... Стоп, что?! — Ань Лэ вскочила со стула.

— Прошу прощения, — Му Цинъянь виновато опустила глаза. — Много лет назад мой дед приказал расставить здесь ловушки и лабиринты, чтобы защитить усадьбу... включая те лесные массивы с «лабиринтом душ»...

— «Лабиринтом душ»? — Ань Лэ вспомнила тот розовый туман.

— Да. Сюда нелегко попасть. Но Сяо Бай, когда гуляет, любит притаскивать тех, кто проходит мимо в белых одеждах...

— ... — Ань Лэ молча опустила голову, глядя на свои белые одежды, которые за десять дней успели слегка пожелтеть. Черт возьми, так вот с чего начались её беды!

<http://bllate.org/book/21755/2249615>